
ПО ПОВОДУ ПОЛЕМИКИ

О КНЯЗЬ ВОРОНЦОВЪ И Н. Н. МУРАВЬЕВЪ

КАКЪ НАМѢСТНИКАХЪ КАВКАЗСКИХЪ

Suum cuique tribue.

На страницахъ *Русской Старины* возникаетъ цѣлая борьба поклонниковъ князя М. С. Воронцова и Н. Н. Муравьева (Карскаго) какъ намѣстниковъ Кавказскихъ. Что же, въ добрый часъ. Справедливая оцѣнка государственныхъ дѣятелей только и возможна при обиліи матеріаловъ сообщаемыхъ современниками и очевидцами, а это, въ свою очередь, ведетъ къ еще болѣе важному результату, къ возможности правдиваго изложенія исторіи извѣстнаго періода. Недостатокъ матеріаловъ современныхъ или по крайней мѣрѣ близкихъ ко времени дѣятельности историческихъ лицъ ведетъ сплошь и рядомъ къ возникновенію ложныхъ представленій, не имѣющихъ подъ собою достаточно прочныхъ основаній, и они попадаютъ въ исторію въ формѣ окончательныхъ выводовъ, переходя изъ вѣка въ вѣкъ уже какъ нѣчто неопровержимое. Примѣровъ этому не мало. Достаточно вспомнить извѣстнаго кабинетъ-министра Анны Іоанновны, Артемія Волынскаго, который представлялся то героемъ всякихъ гражданскихъ добродѣтелей и мученикомъ за правду, то боль-

шимъ интриганомъ, корыстолюбивымъ, жестокимъ самоуправцемъ. Или еще ближе къ намъ стоящаго графа Аракчеева, который въ общемъ убѣжденіи представляется не иначе какъ холоднымъ, жестокосердымъ, умственно ограниченнымъ, малограмотнымъ, не по достоинствамъ вознесеннымъ временщикомъ, виновникомъ многихъ печальныхъ дѣлъ на Руси; а между тѣмъ г. Кропотовъ въ біографіи графа М. Н. Муравьева и г. Александровъ въ статьѣ *О военныхъ поселеніяхъ* (Русск. Арх. 1873, № 9) печатно выступаютъ теперь на его защиту, называютъ его однимъ изъ самыхъ трудолюбивыхъ, дѣльных, честныхъ и *полезныхъ* (?) министровъ минувшей эпохи, и чего добраго найдутся какіе-нибудь фактическіе источники чтобъ если не совсѣмъ измѣнить вкоренившееся представленіе о печальной памяти создателя военныхъ поселеній (Аракчеевщина), то по крайней мѣрѣ смягчить произнесенный надъ нимъ приговоръ. А вотъ еще болѣе поразительный примѣръ. Въ *Русскомъ Вѣстникѣ* (августъ 1874) помѣщена интересная статья о Лукреціи Борджіа по новѣйшимъ изслѣдованіямъ германскаго ученаго Грегоровіуса. Оказывается что вѣками всей Европой усвоенное представленіе объ этой женщинѣ лишено почти всякаго основанія. И историки, и поэты, и художники воспроизводили ея образъ не иначе какъ въ видѣ женщины полной самыхъ ужасныхъ, мрачныхъ пороковъ. Теперь оказывается по достовѣрнымъ источникамъ что Лукреція Борджіа была самая обыкновенная женщина своего времени, не отличалась ничѣмъ особеннымъ отъ окружавшей ее среды, служила орудіемъ коварныхъ замысловъ своего изверга брата Цезаря, и не только не была чудовищемъ поражающимъ безъ содраганія свои жертвы, но, напротивъ, переселясь изъ развратнаго Рима въ болѣе нравственную Феррару, оказалась кроткою, доброю, помогающею бѣднымъ, покровительствующею художникамъ; она продала свои брилліанты чтобъ учредить госпитали и пріюты для разоренныхъ войною жителей и пр. Таковы отзывы ея современниковъ извѣстныхъ писателей и иностранныхъ пословъ, сообщавшихъ секретныя свѣдѣнія своимъ дворамъ и не могущихъ быть заподозрѣнными въ пристрастіи. Очевидно что всѣ эти теперь открытые матеріалы не были извѣстны прежнимъ историкамъ, и разъ высказанное заключеніе безъ достаточной противѣрки передавалось уже какъ фактъ. Такимъ образомъ ясно что только группированіемъ исходящихъ отъ современниковъ

матеріаловъ, хотя бы даже противорѣчивыхъ, дается возможность придти въ послѣдствіи къ достаточно вѣрному представленію объ извѣстной личности. Что сообщатели своихъ замѣтокъ и воспоминаній обязаны держаться лишь строгой истины и не увлекаться пристрастіями, объ этомъ нечего и упоминать, хотя извѣстно что немногіе изъ современниковъ настолько тверды чтобы не уклоняться въ сторону своихъ личныхъ влеченій.

Исторія нашего владычества на Кавказѣ заслуживаетъ того чтобы собрать по возможности побольше данныхъ для ея подробнаго, всесторонняго изложенія; время управленія князя Воронцова одна изъ замѣчательнѣйшихъ эпохъ въ этой исторіи; кратковременное намѣстничество Н. Н. Муравьева тоже не лишено своей доли интереса, совпадая съ критическимъ положеніемъ нашимъ влѣдствіе Восточной войны. Оба намѣстника выдаые государственные люди, которымъ исторія не можетъ не отвести мѣста на своихъ страницахъ; оба они заслуживаютъ полныхъ безпристрастныхъ біографій, и потому всякое свѣдѣніе о ихъ дѣятельности, хотя бы оно исходило отъ скромныхъ не высоко поставленныхъ лицъ, лишь бы было правдивымъ, должно быть принято въ соображеніе.

При чтеніи статей г. Берже, *Любителя Кавказа и Закавказья*, и М. П. Щербинина (*Русск. Стар.* октябрь 1873, май и сентябрь 1874), во мнѣ воскресли воспоминанія о началѣ 1855 года и первомъ пріѣздѣ на Кавказъ генерала Муравьева въ званіи намѣстника и главнокомандующаго. Излагая ихъ здѣсь, съ полнымъ ручательствомъ за правдивость и безпристрастіе, я имѣю въ виду исполнить матеріалы для оцѣнки дѣятельности двухъ историческихъ лицъ, имѣющихъ каждый своихъ приверженцевъ и хулителей, между коими, какъ уже упомянуто, возникла печатная борьба, безъ сомнѣнія далеко еще не достигшая конца.

М. П. Щербининъ весьма удачно замѣтилъ что въ Н. Н. Муравьевѣ какъ бы совмѣщались двѣ противоположныя натуры и что онъ, въ противность общечеловѣческому желанію казаться лучшимъ, будто улотреблялъ стараніе казаться суровѣе нежели былъ въ дѣйствительности. Еще замѣчательнѣе, прибавлю я, что Н. Н., одинъ изъ извѣстнѣйшихъ по своему уму и образованію, многостороннимъ свѣдѣніямъ и опытности генераловъ, въ служебныхъ занятіяхъ выказывалъ не менѣе поразительную двойственность: рядомъ съ важнѣйшимъ

дѣлами онъ тратилъ не мало времени на такія относительно мелочи которыя безъ малѣйшаго ущерба дѣла могли быть возложены на любого изъ его адъютантовъ или состоявшихъ по особымъ порученіямъ.

Прибывъ на Кавказъ въ началѣ 1855 года (а не 1854, какъ ошибочно сказано на стр. 107 *Рус. Стар.*), въ самое критическое не только для этого края, но и для всей Россіи время, генералъ Муравьевъ не слѣдилъ въ Тифлисѣ, въ средоточіе всего военнаго и гражданскаго управленія, гдѣ послѣ цѣлаго года временнаго и безцвѣтнаго начальствованія генерала Реада, безъ сомнѣнія, ожидали его разрѣшенія самовольнѣйшія дѣла и гдѣ онъ могъ почерпнуть подробнѣйшія свѣдѣнія о положеніи всѣхъ отраслей обширнаго, незнакомаго ему управленія. Онъ употребилъ, если не ошибаюсь, пять или шесть недѣль на переездъ отъ Ставрополя, заѣзжалъ во всѣ штабъ-квартиры, крѣпости и мелкія укрѣпленія, оставался тамъ по нѣсколько дней, и что пожалуй могло быть еще умѣстнымъ въ мирное время, занимался между прочимъ повѣркою списочнаго состоянія людей въ ротахъ, съ педантическою подробностью изслѣдовалъ зачѣмъ показываются такіе расходы людей какъ огородаики, воловщики, угольщики и т. п., находилъ все это не только лишнимъ, но прямо противозаконнымъ, заслуживающимъ строгаго взысканія. Не довольствуясь представленными ему „подробными расходами“, приказывалъ выводигъ роты, повѣрялъ, спрашивалъ, допытывался, вгонялъ разныхъ баталіонныхъ и ротныхъ командировъ въ лихорадочное состояніе, причемъ они, само собою, лишались и безъ того скуднаго дара слова, молчали или несли околесную.

Въ укрѣпленіи Горячеводскомъ, близъ Грозной, главнокомандующій приказалъ ударить тревогу, желая удостовѣриться всѣ ли люди расположенныхъ тамъ ротъ явятся на сборное мѣсто. Когда роты построились, Н. Н. послалъ своихъ адъютантовъ по всѣмъ хатамъ и землянкамъ осмотрѣть не остался ли кто-нибудь дома; изъ особеннаго усердія, достойнаго лучшаго дѣла, поскакалъ верхомъ и нѣкто полковникъ М. (тогда начальникъ штаба Кавказскаго линейнаго казачьяго войска—чиновникъ совѣтъ посторонняго вѣдомства) и чрезъ нѣсколько минутъ притащилъ съ особеннымъ торжествомъ найденнаго въ одной землянкѣ солдатику, помертвѣвшаго отъ страха. По собраннымъ тотчасъ справкамъ оказалось что этотъ солдатъ только на дняхъ выписанъ изъ

госпиталѣ послѣ тяжелой болѣзни и по требованію медика освобожденъ на нѣкоторое время отъ всякой службы для укрѣпленія силъ; объ этомъ мѣстный начальникъ войскъ генералъ-лейтенантъ баронъ А. Е. Врангель и доложилъ главнокомандующему, не принявшему однако ничего въ соображеніе и приказавшему наказать солдата розгами... Дѣло ли это самого главнокомандующаго и какое впечатлѣніе на войска могло произвести такое несправедливое взысканіе? Кто хотя короткое время прослужилъ въ Кавказскихъ войскахъ, тотъ могъ убѣдиться что тамъ, по мѣстнымъ условіямъ, должны были завестись многіе порядки не допускавшіеся въ другихъ мѣстахъ Россіи. Войска постоянно расположенныя не въ городахъ и русскихъ селахъ по квартирамъ, на житейскихъ приваркахъ, а по укрѣпленіямъ и азіатскимъ ауламъ или лагерямъ, должны были сами обо всемъ заботиться, строить себѣ помѣщенія и всякія казенныя зданія, разводить огороды, косить сѣно, держать быковъ и лошадей, заготавливать калѹсту, дѣлать бочки, выдѣлывать овчины для своихъ полусубковъ, выжигать кирпичи, имѣть свой, не казенный обозъ и пр. Мыслимо ли это все безъ значительнаго расхода людей? Возможно ли было существованіе солдатъ при такихъ тяжелыхъ походахъ и всяческихъ лишеніяхъ на одномъ казенномъ пайкѣ, при совершенномъ отсутствіи въ продажѣ самыхъ обыденныхъ овощей и другихъ припасовъ, не производимыхъ ни Чеченцами, ни Лезгинами? Да и какихъ суммъ потребовалось бы на покупку и доставку изъ-далека всего необходимаго? Новый главнокомандующій не хотѣлъ внимать подобнымъ доводамъ и трудно было кому-нибудь изъ частныхъ начальниковъ вполне свободно и подробно объяснять всѣ эти обстоятельства грозному начальнику.

Когда Н. Н. Муравьевъ выѣзжалъ изъ Грозной и въ залѣ дома начальника войска лѣваго фланга собрались всѣ командиры разныхъ отдѣльных частей, онъ, послѣ нѣсколькихъ наставленій относительно расхода людей, обратился въ сторону генералъ-майора Форстена (командира бригады линейныхъ баталіоновъ), сказалъ слѣдующее: „Такъ вотъ, господа, мои требованія; *быть-можетъ я и ошибаюсь, но ужье вы меня не разувѣрите*, извольте подчиняться и исполнять.“ Состоя тогда при баронѣ А. Е. Врангелѣ, я тутъ же находился въ залѣ и собственными ушами слышалъ эту рѣчь съ ея заключительными словами. Признаюсь, они меня

не мало удивили и вполнѣ сохранились въ моей памяти. Казалось бы послѣ „быть-можетъ я и ошибаюсь“ слѣдовало заключить: „такъ укажите и разъясните мнѣ мою ошибку (вѣдь сознаться и исправить ошибку не стыдно и величайшему изъ смертныхъ), а вышло совсѣмъ противное... Чѣмъ объяснить это? Скажи подобныя слова какой-нибудь генералъ былыхъ временъ, изъ тѣхъ что провели свой вѣкъ на плацъ-парадахъ, можно бы пожалуй и не удивиться, но для Н. Н. Муравьева это просто непостижимо! Не спорю что большіе расходы людей изъ фронта, ослабляя боевую силу баталіоновъ и ротъ, отучая солдатъ отъ ихъ прямого назначенія, не малое зло, требовавшее ограниченія, тѣмъ болѣе что какъ во всемъ и вездѣ не обходилось безъ нѣкоторыхъ злоупотребленій; но, во первыхъ, отъ ограниченія до совершеннаго запрета, при указанныхъ выше мѣстныхъ условіяхъ, переходъ слишкомъ рѣзокъ и не исполнимъ; во вторыхъ, едва ли было соотвѣтственно заниматься этимъ самому главнокомандующему и тратить столько времени въ виду массы болѣе важныхъ дѣлъ ожидавшихъ его въ Тифлисѣ. По его указаніямъ и въ духѣ его требованій это могъ исполнить и одинъ изъ довѣренныхъ окружавшихъ его лицъ; третьихъ, всѣ почти высшіе мѣстные начальники войскъ на Кавказѣ, въ числѣ коихъ отличался этимъ именно баронъ А. Е. Врангель, обращали и безъ того особенное вниманіе на расходы въ ротахъ людей, безпрестанно требовали къ себѣ подробные отчеты, дѣлали замѣчанія, взыскивали съ ближайшихъ командировъ; если замѣчали неразрѣшенный расходъ, отдавали приказы по войскамъ и вообще далеко не пассивно относились къ этому дѣлу. Слѣдовательно, одного категорическаго напоминанія новаго главнокомандующаго было бы достаточно чтобъ усилить ихъ энергію въ этомъ направленіи. Самъ Н. Н., при отъѣздѣ съ лѣваго фланга, въ ст. Николаевской на Терекѣ, сказалъ барону Врангелю: „Я слышалъ что вы много занимаетесь повѣркой расходовъ людей; однако самъ я этого что-то не замѣтилъ и расходовъ у васъ очень много. Вы не обидитесь если я пришлю кого-нибудь произвести подробнѣйшую повѣрку?“ На этотъ вопросъ Александръ Евстафьевичъ отвѣтилъ что всѣ расходы разрѣшенные или прежними приказами его предмѣстниковъ и главнаго штаба, или имъ самимъ по убѣжденію въ крайней необходимости, а другихъ, произвольныхъ, расходовъ нѣтъ, и что онъ будетъ очень доволенъ присылкой особаго довѣреннаго лица для подробной повѣрки.

И какой же исходъ былъ всѣхъ этихъ усердныхъ занятій повѣрками людей? Прибывъ изъ Грозной во Владикавказъ (Н. Н. оставался тамъ цѣлую недѣлю говѣть), онъ потребовалъ и тамъ подробныхъ отчетовъ отъ Тенгинскаго и Навагинскаго полковъ, сдѣлалъ противъ людей показанныхъ въ расходъ собственноручныя замѣтки и передалъ ихъ генералу Козловскому для ближайшаго соображенія; а этотъ, будучи нездоровъ, не могъ самъ заняться дѣломъ и поручилъ его состоявшему при немъ для особыхъ порученій подполковнику Клингеру, который и явился съ докладами къ генералу Муравьеву. Послѣ продолжительныхъ, полуторачасовыхъ, объясненій, благосклонно выслушиваемыхъ, Н. Н. не только согласился съ доводами давно знакомаго съ бытомъ кавказскихъ войскъ г. Клингера и приказалъ оставить безъ исполненія, свои собственноручныя замѣтки, но съ совершенно неожиданною любезностью протянулъ ему руку, спросилъ имя, отчество и благодарилъ за откровенныя объясненія, выразившись при этомъ: „Еслибы мыѣ всѣ такъ правдиво докладывали дѣла, то я конечно былъ бы избавленъ отъ многихъ ошибокъ.“

Вотъ какъ скоро главнокомандующій, показавшій недоступность объясненіямъ даже высшихъ начальниковъ войскъ, не довѣрявшій начальнику дивизіи, генераль-лейтенанту, вдругъ сталъ внимать объясненіямъ незнакомаго ему подполковника, измѣнилъ свой взглядъ и выказалъ черту характера свойственную его репутаціи умнаго и справедливаго человѣка. Не лучше ли было съ этого начать? И не ясное ли это подтвержденіе справедливости замѣчанія г. Щербинина что въ Муравьевѣ поражала двойственность натуры, въ основаніи доброй, справедливой, но желавшей казаться недоступною, суровою. Но о человѣкѣ судятъ по его поступкамъ; не всѣ приходили съ Н. Н. въ такія близкія соотношенія какъ Мих. Павл. Щербининъ или выступившіе на его защиту безъ сомнѣнія близкія къ нему лица, а потому нечего удивляться что съ перваго появленія своего на Кавказѣ генераль Муравьевъ произвелъ на всѣхъ весьма тягостное впечатлѣніе, и расположенія пріобрѣсти не могъ. Должно полагать что во всей этой придирчивости, недовѣрчивости и суровости было болѣе напускнаго чѣмъ искренняго; онъ просто плылъ въ этомъ отношеніи по общему теченію и платилъ дань своему времени, отличавше-

муся въ Россіи, не только въ военномъ, но и въ гражданскомъ „командованіи“, мертвящимъ формализмомъ, распеканіями, заставленіемъ молчать, дрожать и не смѣть своего сужденія имѣть. Онъ не сразу узналъ и сообразилъ что Кавказъ, по мѣстнымъ условіямъ, успѣлъ выработать себѣ совершенно отличную отъ другихъ частей Россіи фizioномію и что продолжительная, полувѣковая горная война дѣлала изъ людей не безмолвныхъ автоматовъ, а разсуждающихъ, способныхъ на инициативу, на самопочинъ. Предмѣстникъ его князь Воронцовъ составлялъ въ этомъ случаѣ совершенную противоположность. Проведя, до назначенія на Кавказъ, болѣе 20 лѣтъ въ званіи самостоятельнаго администратора Новороссійскаго края, пользуясь широкою властью и полнымъ довѣріемъ Государя, князь Михаилъ Семеновичъ не былъ причастенъ тогдашней системѣ застраиваній, отличался доступностью, свисходительностью и прощрялъ тѣхъ кто заявляли ему свои мнѣнія и предположенія. На Кавказѣ такая система всѣми высоко цѣнилась, да она во многихъ случаяхъ оказалась весьма полезною для края, вызвавъ указанія и предположенія никогда не представившіяся бы безъ этого вниманія намѣстника,—рѣзкій контрастъ въ этомъ отношеніи новаго намѣстника, само собою тоже, вызвалъ чувства неудовольствія.

„Любитель Кавказа и Закавказья“ (*Русская Старина*. Май, 1874, стр. 143) держится противоположнаго взгляда и находитъ что личныя занятія главнокомандующаго въ теченіи болѣе мѣсяца повѣркою ротныхъ списковъ должно считать особою заслугой, при этомъ онъ говоритъ что такимъ образомъ Николай Николаевичъ собралъ *шестнадцать тысячъ* человекъ (?) которые только числились въ войскахъ, будуча употребляемы на *частныя работы*, и что начальникъ дивизіи, въ то время умершій, могъ пожалуй и отъ страха скоропостижно скончаться, допустивъ подобные безпорядки. Очень жаль что авторъ, повидимому пользовавшійся какими-нибудь положительными данными, не пояснилъ болѣе подробно въ какихъ частяхъ войскъ нашлось 16 тысячъ (вѣдь это цѣлая дивизія! Ужь не опечатка ли это?) людей на частныхъ работахъ и какой начальникъ дивизіи такъ испугался что можно допустить его смерть отъ страха? Могу поручиться за одно: на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи главнокомандующій не нашелъ ни одного человека на *частныхъ* работахъ; а тѣхъ

которые были въ расходахъ по хозяйственнымъ надобностямъ самихъ войскъ, не взирая на неудовольствіе Николая Николаевича, пришлось оставить попрежнему, по физической невозможности избѣжать этихъ расходовъ. (То же случилось и во Владикавказскомъ округѣ.) Можетъ-быть главнокомандующій нашелъ какія-нибудь злоупотребленія въ этомъ отношеніи въ резервныхъ, запасныхъ, только-что сформированныхъ изъ рекрутъ батальонахъ, составлявшихъ совѣтъ особаго отъ кавказскихъ войскъ части, имѣвшія своихъ особыхъ дивизіонныхъ и бригадныхъ командировъ изъ *не кавказскихъ* офицеровъ; тогда не зачѣмъ было автору говорить что Муравьевъ зналъ объ этомъ давно вкоренившемся на Кавказѣ злоупотребленіи (то-есть употребленіи людей на частныя работы): вѣдь резервы и запасы только во время войны были переведены изъ Екатеринославской губерніи въ Ставропольскую и частью на Кавказскую линію. Во всякомъ случаѣ въ вѣрности цифры 16 тысячъ позволяю себѣ усомниться; такое крупное происшествіе какъ 16 тысячъ солдатъ оказавшихся на частныхъ работахъ, безъ сомнѣнія, вызвало бы строжайшее слѣдствіе и судъ, получило бы широкую огласку и дошло бы до насъ въ Грозную, гдѣ объ этомъ однако ничего не было слышно. На Кавказской линіи были расположены двѣ кавалерійскія дивизіи, девятнадцатая и двадцатая, первую командовалъ В. М. Козловскій, исправляя при томъ и должность командующаго войсками на всемъ сѣверномъ Кавказѣ, вторую баронъ А. Е. Врангель; никто изъ нихъ скорлостижно не умиралъ и оба недоступны подозрѣніямъ въ злоупотребленіяхъ. Это еще болѣе даетъ намъ основаніе думать что если Н. Н. Муравьевымъ и были найдены какія-нибудь злоупотребленія, то вѣроятно въ резервной или запасной дивизіяхъ; начальникъ первой, генераль-лейтенантъ Варлаховскій, дѣйствительно тогда умеръ, но не скорлостижно, а послѣ продолжительной болѣзни, и былъ человекъ уже старый. Не слѣдовало автору смѣшивать совершенно различныя части войскъ и окрещивать ихъ общимъ именемъ кавказскихъ, приписывая послѣднимъ одинъ изъ сквернѣйшихъ пороковъ—уладокъ дисциплины. Развѣ войска шедшія на штурмъ Карса безъ фашикъ и лѣстницъ обнаружили уладокъ дисциплины? Или генераль Муравьевъ успѣлъ въ шесть мѣсяцевъ ее такъ возстановить? И если Н. Н. давно зналъ что на Кавказѣ были злоупотреб-

ленія по части неправильнаго употребленія солдатъ на частныя работы, помня вѣроятно происшествія 1837 года, въ прїѣздъ государя Николая Павловича, то онъ долженъ бы былъ еще болѣе знать что такого рода злоупотребленія въ болѣе крупныхъ размѣрахъ происходили и въ войскахъ въ Россіи расположенныхъ, и что благодаря указаніямъ именно его предмѣстника, князя Воронцова, открыта была цѣлая система волюющихъ злоупотребленій въ резервахъ, кончившихся разжалованіемъ двухъ генераловъ и многихъ штабъ-офицеровъ.

На той же 143 стр. *Русской Старины*, „Любитель Кавказа и Закавказья“ находитъ замѣчательнымъ что „Н. Н. Муравьевъ во все время своего намѣстничества не потребовалъ отъ правительства ни войска, ни пороха, ни денегъ, довольствуясь тѣмъ что нашелъ; онъ даже оставилъ послѣ себя значительный капиталъ, уплатилъ всѣ найденные имъ долги, тогда какъ прежде него всего казалось мало и постоянно требовались новыя пособія.“ Вотъ что значитъ увлеченіе въ одну сторону! Почтенный авторъ упустилъ изъ виду что генералъ Муравьевъ прибывъ на Кавказъ засталъ тамъ присланныя до него тринадцатую и восемнадцатую резервную и запасную дивизіи, Тверской и Новороссійскій драгунскіе полки, двѣ артиллерійскія бригады и нѣсколько донскихъ полковъ, снабженныя соотвѣтственными матеріальными средствами. Было бы непозволительно послѣ этихъ подкрѣпленій требовать еще войскъ; а обошелся ли бы онъ безъ нихъ, еслибы прибылъ раньше на Кавказъ, болѣе чѣмъ сомнительно. Изъ какихъ источниковъ, какой капиталъ оставилъ онъ послѣ себя, какіе долги заплатилъ, авторъ не упоминаетъ; а жаль: въ такихъ случаяхъ цифры, точныя указанія, весьма поучительны и устраняютъ всякія сомнѣнія.

„Не менѣе достойно вниманія, продолжаетъ авторъ этой статьи, что во все это время не трогался Шамиль, хотя ему весьма удобно было бы воспользоваться военными обстоятельствами въ отсутствіи намѣстника и даже неудачею его подъ Карсомъ. Но въ этомъ случаѣ Азіаты гораздо мудрѣ Европейцевъ и охотнѣе судятъ о людяхъ; военная репутация Муравьева была ему извѣстна съ давнихъ поръ; видя при самомъ вступленіи его на новое поприще чрезвычайную его бдительность по линіи и введеніе повсюду строгаго порядка, хитрый горецъ понималъ что его покушенія будутъ напрасны и могутъ отозваться ему въ послѣдствіи; посему онъ предпочелъ оста-

сатся въ покое до рѣшенія Турецкой войны.“ Какъ во всемъ этомъ видно увлеченіе! Постараюсь вкратцѣ отвѣтить на заключительный вопросъ автора: „Чему же иному приписать такое бездѣйствіе нашего законнаго врага?“

По первому слуху о войнѣ съ Турками Шамиль встрепенулся и перешелъ къ наступательному образу дѣйствій. Двинувшись съ большими массами на Лезгинскую линію, онъ осадилъ и штурмовалъ укрѣпленіе (названіе его я забываю), но встрѣтилъ свойственную кавказцамъ оборону; а между тѣмъ генералъ князь М. З. Аргутинскій-Долгорукій, совершивъ замѣчательный переходъ изъ Дагестана чрезъ главный хребетъ, появился какъ снѣгъ на голову на флангѣ изумленнаго Шамиля и онъ вынужденъ былъ послѣдно отступать, потерявъ напрасно много людей, собранныхъ изъ самыхъ дальнихъ горныхъ обществъ. Начавшіе свои наступленія Турки испытали еще прискорбнѣе участъ: сунулись къ Ахалцыху, послѣ къ Грузіи, но оба раза были разбиты на-голову княземъ И. М. Андрониковымъ; сошлись съ нашими войсками подъ Башкакадыкларомъ, и не взирая на лятерныя силы и отличную позицію, потерпѣли полнѣйшее пораженіе, оставивъ въ нашихъ рукахъ множество лушекъ и знаменъ, которыми и устлана была въ Тифлисѣ вся площадь кругомъ главной гаултвахты, — о чемъ, само собою, Шамилю было извѣстно. Между тѣмъ изъ Россіи все двигались новыя войска, и вмѣсто нѣсколькихъ баталіоновъ, вызванныхъ изъ Дагестана и съ Кавказской линіи за Кавказъ, появились другіе еще въ большемъ числѣ, — все это Шамиль хорошо зналъ. Въ 54 году, желая однако не упускать благоприятныхъ обстоятельствъ, онъ опять собралъ людей и двинулся къ той же Лезгинской линіи; но кромѣ удачнаго набѣга на кахетинское селеніе Цикондалы, гдѣ нѣсколько сотъ набѣзниковъ успѣли захватить въ плѣнъ семейство князя Чавчавадзе, ничего болѣе серіознаго сдѣлать не успѣлъ, ибо тотчасъ явились наши войска, опоздавшія лишь какимъ-нибудь часомъ чтобы захватить партію набѣзниковъ слѣдившихъ удирать съ плѣнными. Чрезъ нѣкоторое время попытался Шамиль съ другой стороны и осадилъ на Кумыкской площади небольшое укрѣпленіе Истису, подъ прикрытіемъ коего поселился аулъ перешедшихъ къ намъ Чеченцевъ, которыхъ онъ хотѣлъ наказать и выселить обратно; но встрѣтилъ опять неудачу: рота Кабардинскаго

полка геройски продержалась въ укрѣпленіи до прибытія барона Николаи съ секурсомъ изъ Хосавъ-юрта, и толпы Шамиля, состоявшія большею частью изъ горцевъ дальнихъ главно-хребтовыхъ обществъ, были жестоко разбиты, утѣявъ большое пространство неприбранными тѣлами. Встрѣчая во всѣхъ своихъ наступательныхъ попыткахъ постоянныя неудачи, онъ въ то же время видѣлъ что мы, не взирая на войну съ Турками и ихъ союзниками, и противу него продолжаемъ наступательныя дѣйствія со стороны Чечни. Такимъ образомъ собранный осенью 54 года въ крѣпости Грозной отрядъ подъ начальствомъ барона А. Е. Врангеля, въ теченіе декабря и января опустошилъ на большомъ пространствѣ по рѣкѣ Джалкѣ и ея притокамъ густое чеченское населеніе, истребилъ всѣ ихъ обильные запасы и заставилъ искать спасенія въ бѣгствѣ далѣе къ горамъ, къ менѣе плодороднымъ и удобнымъ мѣстамъ; нанеся чувствительный вредъ непріятелю, мы обезпечили спокойствіе своихъ поселеній, мы показали Шамилю что война съ Турками на наши дѣйствія противъ него никакого вліянія не имѣетъ, что мы ни чуть не ослабѣли, что всѣ его покушенія кончаются пораженіемъ, а наши наступленія разореніемъ преданныхъ ему жителей. Чтò оставалось ему послѣ этого дѣлать? Къ этому присовокупилося еще и оскорбленное самолюбіе: Омеръ-паша отнесся къ Шамилю свысока, приславъ нѣчто въ родѣ приказанія дѣйствовать наступательно на Грузію и при этомъ препроводилъ жалуемые ему султаномъ генеральскіе эполеты. Шамиль-имамъ, духовный глава и самостоятельный владыка Кавказа, эполетъ не принялъ, а Омеру-пашѣ велѣлъ сказать что пусть де займетъ Тифлисъ, тогда онъ не замедлитъ съ другой стороны явиться....

Все это происходило до прибытія на Кавказъ Н. Н. Муравьева, и Шамиль уже вынужденъ былъ къ бездѣйствію, безъ принятія въ соображеніе его военной репутаціи; да и зналъ ли онъ объ ней—сомнительно, потому что на Кавказѣ Н. Н. отдѣльными отрядами противъ Горцевъ не командовалъ, и Шамилю, выступившему на свое поприще въ 34 году, когда Муравьева уже не было на Кавказѣ, не приходилось съ нимъ сталкиваться. Если авторъ полагаетъ что повѣрки людей въ ротахъ составляли введеніе строгаго порядка и бдительности на линіи и должны были внушить Шамилю убѣжденіе о безполезности его покушеній, могущихъ отозваться ему въ послѣдствіи, почему онъ и предпочелъ оставаться спокойнымъ до

окончанія Турецкой войны,—то напрасно придаетъ онъ Шамилю эпитетъ „хитрый горецъ“. Я позволяю себѣ совершенно противное заключеніе: еслибы Шамиль *такъ* разчитывалъ, то онъ былъ бы не „хитрый“ и самый „ограниченный“ горецъ. Впервые, оставляя свои покушенія противу насъ изъ боязни что они *могутъ отозваться ему въ послѣдствіи*, значило бы допустить что Н. Н. Муравьевъ оцѣнить такую услугу и отблагодарить его послѣ. Но чѣмъ же? совершеннымъ прекращеніемъ войны съ горцами, или снисходительнымъ ея веденіемъ? Такихъ обѣщаній Шамиль само-собою не получалъ и на нихъ разчитывать не могъ; онъ зналъ что Россія стремится къ совершенному покоренію Кавказа и не отступить пока задача не будетъ доведена до окончательнаго рѣшенія. Вторыхъ, если онъ *предпочелъ остаться въ покоѣ до рѣшенія Турецкой войны*, то-есть до того когда мы, уже ничѣмъ не отвлекаемые, всецѣло и всѣми своими силами обрушимся на него,—то какой же онъ „хитрый“?... Нѣтъ, онъ 25 лѣтъ умѣлъ бороться съ нами, стоилъ намъ много жертвъ людьми и деньгами, и мы должны отдать справедливость его природному уму и дарованіямъ. Онъ въ 55 году не предпринималъ никакихъ рѣшительныхъ наступленій потому что въ 53 и 54 уже попробовалъ употребить всѣ доступныя его средства въ усилія достигнуть какого-нибудь успѣха, надѣясь этимъ поднять духъ и своихъ горцевъ и вообще закавказскаго мусульманскаго міра, всегда ликовавшаго при каждой нашей неудачѣ, но, какъ мы видѣли, удачи не имѣлъ, терялъ много людей, что для него было гораздо чувствительнѣе чѣмъ для всякаго другаго военачальника: его войско было ополченіе; каждый человекъ былъ кормилецъ семьи и его смерть или уячье вносили много слезъ въ бѣдныя горскія сакли. Не мудрено что всякій сборъ людей для *наступательныхъ* противъ насъ дѣйствій, почти всегда оканчивавшихся пораженіями, вызывалъ ропотъ, а всякая новая неудача потрясала въ основаніи обаяніе власти имама.... У насъ же онъ видѣлъ какія-то безконечныя вереницыдвигающихся съ сѣвера войскъ; мѣсто убитаго солдата тотчасъ замѣнялось другимъ и горцы не даромъ говорили: „Русскіе солдаты какъ трава: не успѣлъ скосить, послѣ перваго дождика новая выросла“. Итакъ, что же ему оставалось дѣлать какъ не оставить всякую мысль о наступленіи, а думать о самозащитѣ, и тѣмъ болѣе еще что въ то время онъ уже не имѣлъ ни одного изъ своихъ лихихъ наѣздниковъ-помощниковъ въ

родѣ Ахверды-Магомета, Гаджи-Мурата или Уллу-бея, а занявшіе ихъ мѣста были самые обыкновенные заурядные предводители партій. Послѣ всего сказаннаго кажется достаточно ясно что ни военная репутація генерала Муравьева, которой никто не оспариваетъ, ни его первоначальныя дѣйствія тутъ не причесть.

Возвращаясь къ моимъ воспоминаніямъ. Съ первой встрѣчи начальникомъ лѣваго фланга Кавказской линіи новаго главнокомандующаго на границѣ Владикавказскаго округа, Николай Николаевичъ, едва ли знавшій прежде барона Александра Евстафьевича Врангеля и не могшій имѣть никакого повода нерасположенія къ этому заслуженному, извѣстному своею рыцарскою честностью и правдивостью генералу, такъ однако придирчиво и, можно сказать, колко, по самымъ мелочнымъ поводамъ, къ нему обращался, что тотъ въ свою очередь не вполнѣ овладѣвалъ своимъ душевнымъ возмущеніемъ и владалъ въ тонѣ очевидно не нравившійся главнокомандующему и вызывавшій новыя придирки. Помню при этомъ уморительныя сцены, какъ генералъ Козловскій, сопровождавшій по обязанности командующаго войсками всей Кавказской линіи новаго главнокомандующаго и, правду говоря, черезчуръ угодливо себя державшій, все дергалъ барона Врангеля за полу сюртука, приговаривая въ полголоса: „Помилуйте, Александръ Евстафьевичъ, *какъ* вы радражаете главнокомандующаго, *какъ*... (Козловскій имѣлъ привычку вставлять чуть не чрезъ каждыя два слова „какъ“ или „такъ“). Однако это мало помогало.

Съ пріѣздомъ въ Грозную натянутость очевидно пошла crescendo. * Принимая ординарцевъ, Николай Николаевичъ вдругъ скомандовалъ донскому казачьему уряднику: „вольте налѣво“, само собою Донецъ, въ первый разъ услыхавшій такую мудреную штуку которую едва ли сумѣли бы продѣлать

* Это было причиною что вскорѣ баронъ Врангель подалъ по болѣзни въ продолжительный отпускъ, и хотя Н. Н., вспомнивъ вѣроятно свое обращеніе и не желая лишиться такого помощника, поручилъ начальнику артиллеріи генералу Бриммеру написать къ нему и просить, забывъ огорченія отъ первой встрѣчи, оставаться на своемъ мѣстѣ. Однако самолюбіе было одишкомъ уязвлено и А. Е., вполнѣ сознававшій свою правоту, рѣшился оставить край, что вызвало общее искренняе сожалѣніе всѣхъ знавшихъ его и особенно всѣхъ подчиненныхъ ему войскъ.

наши ляхи Нижегородскіе драгуны,—остался недвижимъ; за что тутъ же было сдѣлано замѣчаніе генералу Бакланову какъ начальнику всѣхъ казаковъ на лѣвомъ флангѣ; этотъ сталъ что-то отвѣчать, желая объяснить что отъ казаковъ въ Чечнѣ нельзя требовать манежной ѣзды (да она и по уставу вовсе имъ не полагается), но былъ прерванъ съ неудовольствиемъ, а В. М. Козловскій уже сталъ дѣлать Бакланову разные знаки. Тутъ Н. Н. объявилъ Бакланову чтобъ онъ собирался немедленно отправляться въ Азіатскую Турцію, гдѣ считаютъ его болѣе нужнымъ для командованія казаками. „Я готовъ отправиться куда вамъ высокопревосходительство прикажете, только буду просить денегъ на подъемъ, а то мнѣ не съ чѣмъ въ дорогу собраться“.—А верховой конь у васъ есть?—„Какъ же, даже два.“—Ну, такъ садитесь верхомъ и отправляйтесь; *казакъ* никакихъ подъемовъ не полагается“. Яковъ Петровичъ Баклановъ побагровѣлъ.. На всѣхъ присутствовавшихъ сцена произвела непріятное впечатлѣніе...

Войдя въ домъ и увидавъ такъ-называемую „персидскую комнату“ (въ бытность начальникомъ лѣваго фланга князь Александръ Ивановичъ Барятинскій одну изъ комнатъ приказалъ отдѣлать въ азіатскомъ вкусѣ, съ нѣсколькими тѣлыми работами на каминѣ и по карнизамъ, да убрать ковры, замѣнившими мебель; въ такомъ видѣ комната оставалась и при преемникѣ князя Александра Ивановича баронѣ Врангелѣ), Николай Николаевичъ обратился къ барону съ вопросомъ: „Что это ковры казенные?“—Да-съ, казенные.—„Ну и вѣрно особый смотритель для нихъ полагается?“—Нѣтъ-съ, не полагается. Понятно что въ тонѣ вопросовъ звучала пронія, а въ тонѣ отвѣтовъ нота не совсѣмъ пріятная слуху строгаго начальника.

Отъ предложеннаго обѣда Н. Н. отказался по случаю Великаго Поста, и весь вечеръ провелъ одинъ или съ своимъ самымъ близкимъ адъютантомъ Корсаковымъ; а на другое утро мы уже читали знаменитое произведеніе того вечера—извѣстное письмо къ Алексію Петровичу Ермолову, имѣвшее цѣлью провести параллель между временемъ его командованія на Кавказѣ и теперешнимъ, да изобразить жалкое состояніе арміи, ея упадокъ отъ излишней роскоши, изнѣженности и заботъ о своихъ удобствахъ.

Едва ли можно сомнѣваться что генералъ Муравьевъ нали-

салъ это посланіе подѣ минутнымъ впечатлѣніемъ неудовольствія, а еще вѣроятнѣе, подѣ вліяніемъ сильнаго предубѣжденія противъ управленія своего предмѣстника князя Воронцова, и послѣ, быть-можетъ, не мало сожалѣлъ о томъ. Какъ умный человекъ онъ, конечно, не могъ не сознать въ послѣдствіи всей ошибочности выраженного въ письмѣ взгляда. Хулить и унижать гласно армію во главѣ коей ему же предстояло сражаться съ Турками, а затѣмъ приступить къ покоренію Кавказа, уже само по себѣ было едвали разчетливо, особенно когда само порицаніе было лишено достаточныхъ основаній. Развѣ не эти изнѣженные войска, не задолго предъ пріѣздомъ генерала Муравьева, подѣ Баткадыкларомъ и Кюрюкъ-Дара разбили въ десять разъ сильнѣйшаго непріятеля, овладѣвъ его артиллеріей, лагеремъ и пр.? Еще рѣзче кидается въ глаза при чтеніи этого письма непонятное въ столь просвѣщенномъ человекѣ отрицаніе идеи о пользѣ и необходимости прогрессивнаго движенія въ благоустройствѣ завоеваннаго края, да сожалѣніе о минувшемъ первичномъ положеніи въ немъ войскъ. Неужели Н. Н. желалъ чтобы послѣ 37 лѣтъ истекшихъ со времени zaloженія А. П. Ермоловымъ (1818—1855) крѣпости Грозной, оставались землянки для командующихъ генераловъ, да дырявыя палатки, шалаши для офицеровъ и солдатъ? Казалось правнѣе бы радоваться что на этихъ мѣстахъ наконецъ возникло прочное поселеніе съ удобными помѣщеніями, съ цѣлымъ рядомъ лавокъ, со значительнымъ числомъ торговаго и ремесленнаго люда, что крѣпость обратилась въ городъ, и сношенія съ туземцами уже не ограничивались однѣми перестрѣлками, но началось сближеніе торговое, мирное, привлекавшее многихъ изъ нихъ селиться между нами и строить себѣ дома нашей архитектуры. При первомъ военномъ занятіи такихъ дикихъ мѣстъ, какова напримѣръ Чечня, войскамъ приходится рыть себѣ землянки и жить въ шалахахъ; это весьма естественно и никакой особенной спартанской черты въ этомъ видѣть не приходится, въ чемъ легко можно было убѣдиться сдѣлавъ хоть одно движеніе съ войсками въ земли непокорныхъ Горцевъ. Мы въ 1855 году, также какъ и при Алексѣ Петровичѣ въ 1818, занявъ передовые пункты, жили первое время въ землянкахъ и шалахахъ, мокли въ отвратительной слякоти, мерзли въ 15—20° мороза, терпѣли всяческія лишенія, изо дня въ день перестрѣливались съ

горцами, ставшими гораздо опытнѣе и дерзче чѣмъ были за 37 лѣтъ назадъ; вырубали громадныя пространства вѣковыхъ лѣсовъ, строили крѣпости, станицы, на себѣ вытаскивали всякія тяжести, руками сгребали грязь съ новопроложенныхъ дорогъ, безъ чего не было возможности провезти простую телегу, не говоря объ орудіяхъ... И когда казалось силы людей достигли уже сверхъестественнаго напряженія, по первому приказанію, тѣ же изнуренные, нерѣдко полуголодные люди лѣзли по колѣно въ снѣгу или липкой грязи, подъ выстрѣлами сотенъ мѣткихъ винтовокъ, на крутыя лѣсистыя высоты, безъ дороги, овладѣвая ими съ бою.. Я не фантазирую, не реляцію скрашиваю, я говорю какъ долголѣтній участникъ и очевидецъ этихъ подвиговъ повиновенія, терпѣнія и мужества, вовсе не составлявшихъ исключенія, а дѣлавшихся просто, какъ нѣчто обыкновенное. Какая же это изнѣженность и какой вредъ происходилъ отъ того что на мѣстахъ гдѣ за 37 лѣтъ назадъ стояли землянки, явились просторные, удобные, хотя бы даже съ нѣкоторою роскошью устроенные дома, въ которыхъ послѣ 4—5 мѣсяцевъ походныхъ трудовъ и лишеній, начальникамъ войскъ можно было отдохнуть, заняться текущими административными дѣлами, и собраться съ силами къ новымъ трудамъ и лишеніямъ? и вѣдь не для одного начальства возвели эти удобныя помѣщенія: и для солдатъ явились казармы вмѣсто шалашей, и для больныхъ госпитали вмѣсто палатокъ и пр. Чтò же общаго между стремленіемъ къ основанію на давно завоеванныхъ мѣстахъ прочныхъ и удобныхъ жилищъ, лучшему по возможности устройству быта войскъ, съ изнѣженностью, уладкомъ духа и славныхъ преданій?... Мы видимъ въ послѣднее время такія улучшенія въ отрасли матеріальнаго содержанія войскъ какія намъ на Кавказѣ 20 лѣтъ тому назадъ и въ голову не приходили. Возьмемъ наиримѣръ снаряженіе войскъ для прошлагодняго похода въ Хиву. И чай, и лимоны, и консервы, и клюквенный морсъ, и табакъ; какъ же бы взглянулъ на эти „нѣжности“ Н. Н. Муравьевъ со спартавской точки зрѣнія первой четверти нашего вѣка? Между тѣмъ, помѣшало ли это войскамъ совершить походъ изумившій Европу и вырвавшій нашему войску дань удивленія даже отъ нашихъ традиціонныхъ порицателей! Н. Н. не подумалъ тогда что выраженный имъ въ письмѣ къ А. П. Ермолову взглядъ отзывался „временемъ Очакова и покоренья Крыма“,

какъ бы требуя косности, застоя... И какъ объяснить это въ умномъ, просвѣщенномъ человѣкѣ?

Послѣ всего сказаннаго нечего удивляться что генералъ Муравьевъ уже съ перваго вступленія на Кавказъ предрасположилъ большинство не въ свою пользу. Заключение же г. Кропотова что управленіе его, Муравьева, должно было показаться нѣсколько суровымъ потому только что оно слѣдовало за роскошнымъ и расточительнымъ намѣстничествомъ князя Воронцова и было экономично скупымъ, не вполне правильно. Дѣйствія новаго главнокомандующаго, какъ читатель могъ видѣть изъ выше разказанныхъ эпизодовъ, вызвали неудовольствіе и критику уже въ самомъ началѣ, когда скупости и негдѣ, и некогда было еще проявиться болѣе или менѣе осязательно; она главнѣйше могла не понравиться въ Тифлисѣ высшему гражданскому чиновничеству и туземной аристократіи, широко и, пожалуй, не всегда правильно пользовавшейся щедростію князя Михаила Семеновича; для войскъ же это не могло имѣть особаго значенія: все что они получали исходило не отъ щедротъ главнокомандующаго, а отъ щедротъ монаршихъ; всѣ денежные отпуски были узаконены. Конечно, князь Воронцовъ, объѣзжая край и самъ дѣлая походы съ войсками, дарилъ деньги почетнымъ карауламъ, ординарцамъ, осмотровымъ стрѣлкамъ и пр.; но эти подарки по 25—50 к. на человѣка, до офицеровъ не касавшіеся, не могли пріучить къ особой щедрости войска и послужить поводомъ нерасположенія къ новому главнокомандующему, хотя бы онъ и не дарилъ ординарцамъ и карауламъ нѣсколькихъ рублей.

М. П. Щербининъ, желая защитить князя Воронцова отъ упрека въ роскошномъ и расточительномъ управленіи, приводитъ нѣсколько примѣровъ увеличенія доходовъ въ краѣ послѣдовавшихъ при князѣ М. С. Не говоря о томъ что приведенныя не особенно крупныя цифры едва ли полны и могли бы быть при подробномъ разсмотрѣніи дѣлъ того времени въ нѣсколько разъ увеличены, авторъ упустилъ изъ вида указать на одну изъ выгодъ пріобрѣтенныхъ Кавказомъ, превосходящую, по моему мнѣнію, большинство имъ указанныхъ. Именно, по инициативѣ князя М. С. и княгини Елизаветы Ксаверьевны Воронцовыхъ возникли женскія учебныя заведенія: въ Тифлисѣ Св. Нины, въ Ставрополѣ Св. Александры, въ Эривани Св. Ратимы, въ Кутаисѣ (названіе я забылъ) и еще кажется въ Шемахѣ; эти заведенія дали первый толчокъ

енскому образованію въ краѣ, привлекли къ нему не только христіанское, но частью и мусульманское населеніе и приесли уже такъ много очевидной пользы что распространять объ этомъ было бы лишнимъ. Въ этомъ случаѣ расточительность княжеской четы дѣйствительно можетъ обратить на себя вниманіе, и я полагаю что цифра въ 300—400 тыс. пожертвованныхъ ими на этотъ предметъ будетъ близка дѣйствительности. Съ такою расточительностью можно помириться.... Еслибы за тѣмъ, строго разбирая нѣкоторые расходы изъ суммъ въ распоряженіе намѣстника отъ казны отпущавшихся, и можно было указать на такіе которые при болѣе экономичномъ направленіи не должны были быть допущены, то не слѣдуетъ забывать что, во первыхъ, безошибочность не есть удѣлъ человечества, во вторыхъ, положивъ на вѣсы траты лишнія и непроизводительныя съ затратами очевидно полезными и нерѣдко изъ собственныхъ доходовъ кн. М. С., перевѣсъ окажется на сторонѣ послѣднихъ. И во всякомъ случаѣ расходы дѣлались большею частью ради общественной пользы, а не ради барскихъ затѣй и безконтрольных капризовъ.

Намѣстничество князя Воронцова продолжалось девять лѣтъ, генерала Муравьева около полутора года; уже это не даетъ возможности проводить между ихъ управленіемъ параллели. Первое ознаменовалось и въ военномъ и еще болѣе въ гражданскомъ отношеніяхъ такими результатами, такимъ развитіемъ, что объ нихъ нечего и распространяться; онѣ очевидны для всякаго знакомаго съ Кавказомъ и подробное изложеніе ихъ потребовало бы цѣлаго тома; второе ограничилось военными дѣйствіями въ Азіатской Турціи и хотя увѣнчалось важнымъ событіемъ—взятіемъ Карса, но стоило огромной жертвы (до 1000 человекъ выбывшихъ изъ строя), жертвы признаваемой многими компетентными людьми напрасною. Затѣмъ, по окончаніи войны, Н. Н. Муравьевъ приступилъ было къ дѣламъ сопряженнымъ съ казеннымъ интересомъ, но за краткостью времени, а можетъ-быть и за удѣленіемъ слишкомъ большаго вниманія мелочамъ, въ родѣ провѣрки отпущенныхъ офицерамъ и чиновникамъ прогонныхъ денегъ, которыми онъ, по приказамъ служившихъ въ его канцеляріи лицъ, посвящалъ по нескольку часовъ личныхъ занятій, ничего особеннаго, по крайней мѣрѣ такого что выразилось бы осязательными результатами, сдѣлать не успѣлъ. За это время Н. Н. впрочемъ

устранить злоупотребленія нѣкоторыхъ казначеевъ, промышлявшихъ размѣномъ золота, и оказалъ большую услугу тифлисскому населенію, терпѣвшему недостатокъ въ хлѣбѣ, вслѣдствіе какихъ-то особенно снисходительныхъ дѣйствій гражданскаго начальства въ пользу провіантскаго подрядчика. Кто былъ главный виновникъ въ этомъ дѣлѣ, въ чемъ заключалось послабленіе или недосмотръ начальника гражданского управленія князя В. О. Бебутова, вообще подробности, мнѣ неизвѣстны; но повсюду говорили что возмущенный этими дѣйствіями Николай Николаевичъ не поцеремонился официально назвать вещи своимъ именемъ и, не взирая на личныя добрыя отношенія къ князю В. О. Бебутову и на обаяніе его славы какъ недавняго двукратнаго побѣдителя Турокъ,—поступилъ совершенно въ духъ своего безкорыстнаго характера, положивъ конецъ незаконному дѣлу. Упоминаю объ этомъ только съ цѣлью показать что какъ сильно ни было предубѣжденіе противъ Н. Н., но первыя справедливыя, хотя бы и крутыя дѣйствія, разнесшись по краю, встрѣтили полнѣйшее одобреніе всѣхъ порядочныхъ людей.

Съ заключеніемъ мира, Н. Н. Муравьевъ повидимому рѣшился посвятить главное вниманіе дѣлу покоренія горцевъ, и оставивъ Тифлисъ въ концѣ марта 1856 года переехалъ въ Ставрополь. Баронъ И. А. Вревскій, которому послѣ отъѣзда барона Врангеля было поручено исправленіе его должности съ сохраненіемъ и своей обязанности начальника Владикавказскаго военнаго округа, поѣхалъ на встрѣчу главнокомандующаго на станцію Казбекъ, взявъ и меня съ собою. Н. Н. много разспрашивалъ барона Вревскаго о положеніи подчиненнаго ему района, но никакого взгляда на образъ предполагаемыхъ имъ дѣйствій не высказалъ и вообще никакихъ распоряженій не сдѣлалъ; онъ очевидно желалъ прежде ознакомиться съ дѣлами въ Ставрополѣ, гдѣ штабъ войскъ всей Кавказской линіи и Черноморіи долженъ былъ представить обильныя матеріалы.

Пребываніе въ Ставрополѣ съ поѣздами на Кубань продолжалось около трехъ мѣсяцевъ и главнокомандующій возвращался въ Тифлисъ уже въ іюнѣ. Между тѣмъ начальникомъ лѣваго фланга въ крѣпость Грозную былъ назначенъ генералъ Евдокимовъ; я остался при немъ и такимъ образомъ опять попалъ на встрѣчу Н. Н. Муравьева во Владикавказъ, куда имъ былъ вызванъ генералъ Евдокимовъ. Въ этотъ разъ онъ уже

не ограничился одними разспросами, а высказалъ нѣсколько общихъ соображеній о дѣйствіяхъ имѣвшихся имъ въ виду съ цѣлью покоренія кавказскихъ горцевъ, и потребовалъ отъ Евдокимова изложить свои предположенія въ особой секретной запискѣ. Вообще Николай Николаевичъ въ это пребываніе во Владикавказѣ казался не такъ суровымъ, былъ гораздо привѣтливѣе съ войсками и представлявшимися ему лицами, а за обѣдомъ у барона Вревскаго очаровывалъ своею любезностью и, какъ теперь живо помню, поразилъ всѣхъ своею лингвистикою: съ супругой барона и ея красавицей-сестрой говорилъ по-французски, съ ихъ компаньйонкой, миссъ Босъ—по-англійски, съ А. Ѳ. Крузенштерномъ (въ послѣдствіи начальникъ главнаго управленія намѣстника)—по-нѣмецки, наконецъ, съ приглашеннымъ къ обѣду лѣвнымъ турецкимъ полковникомъ—по-турецки. Вліяніе Кавказа уже стало замѣтно и можно было надѣяться что современемъ Н. Н. забудетъ свою традиціонную систему отталкивающей суровости.

По возвращеніи въ Грозную, Н. И. Евдокимовъ приказалъ мнѣ составить, по его подробнымъ указаніямъ, записку о предполагаемой имъ системѣ наступательныхъ дѣйствій, и она вскорѣ была представлена въ Тифлисъ главнокомандующему (о содержаніи ея считаю лишнимъ здѣсь говорить, ибо это не имѣетъ отношенія къ цѣли настоящей замѣтки). Вслѣдъ за тѣмъ было получено предписаніе генерала Муравьева, отъ 4го іюля 1856 года № 87, въ которомъ ничего не упоминая о запискѣ Евдокимова, главнокомандующій „чтобы разомъ подвинуть предпріятія наши противъ Большой Чечни“, излагалъ свои предположенія, ограничивавшіяся проложеніемъ широкой просѣки отъ крѣпости Воздвиженской до укрѣпленія Куринскаго и постройкой двухъ укрѣпленій, съ двумя промежуточными постами на этомъ же пространствѣ, требовалъ соображеній въ какихъ именно мѣстахъ возвести укрѣпленія и какія для этого понадобятся средства. Предположенія эти не особенно широко захватывали предстоявшую задачу „разомъ подвинуть наши предпріятія“; они могли считаться развѣ только подготовительными для будущаго серіознаго наступленія, и не лишеныя нѣкоторой частной пользы, должны были отдалить срокъ рѣшительнаго конечнаго результата, ограничиваясь слишкомъ малымъ театромъ дѣйствій и давая неприятелю возможность сосредоточивать свои силы для упорнаго сопротивленія. Между тѣмъ прекращеніе войны въ Турціи

освобождало всю массу бывшихъ тамъ войскъ и позволяло намъ опредѣлить себѣ болѣе обширную цѣль, захватить гораздо обширнѣе районъ для наступленія и лишить Шамиля возможности сосредоточиваться. 14го іюля генералъ Евдокимовъ представилъ сухой перечень нужныхъ по его соображенію средствъ для исполненія вышесказанныхъ построекъ, а 26го іюля генералъ Муравьевъ, назначенный членомъ Государственнаго Совѣта, былъ уже отозванъ съ Кавказа. Такимъ образомъ предположенія его о дѣйствіяхъ противъ Шамиля остались не выполненными, и судить о результатахъ какіе могли возникнуть въ дѣлѣ покоренія Кавказа нѣтъ никакой возможности.

Еслибы просмотрѣть въ архивѣ главнаго управленія намѣстника кавказскаго дѣла 1855—56 годовъ, то быть-можетъ оказались бы слѣды предположеній и распоряженій дающіе возможность заключить о намѣреніяхъ Н. Н. Муравьева относительно улучшеній въ краѣ; но осязательныхъ результатовъ за это время ни въ одной отрасли управленія не обнаруживалось и потому едва ли возможно опредѣлить каковы были бы практическія ихъ послѣдствія. Упоминаемое г. Кропотовымъ извлечение Н. Н. Муравьевымъ въ 18ти-мѣсячное намѣстничество *четыре*хъ милліоновъ рублей (?) чистаго дохода (если тутъ не вкралась ошибка) было бы дѣломъ немаловажнымъ и заслуживало бы болѣе подробнаго, фактическаго разъясненія, а не мимоходнаго только указанія.

Такъ или иначе, все сводится къ тому что полуторогодичное намѣстничество Н. Н. Муравьева, посвятившаго двѣ трети этого времени войнѣ подъ Карсомъ, не оставило никакихъ особенно рельефныхъ слѣдовъ его дѣятельности въ Кавказскомъ краѣ, и проводить параллель между нимъ и княземъ М. С. Воронцовымъ, какъ намѣстниками кавказскими, значило бы хлопотать не въ его пользу. Допуская даже ошибки и не всегда полную рациональность въ системѣ дѣйствій кн. Воронцова (для подробной критической оцѣнки едва ли наступило уже время), никто однако не въ состояніи отвергнуть великой пользы принесенной Кавказу его девятилѣтнимъ управленіемъ; нѣтъ той отрасли которой бы не коснулась его просвѣщенная дѣятельность, и если, какъ справедливо замѣтилъ М. П. Щербининъ, не всѣ его предположенія и начинанія увѣнчались успѣхомъ,—ибо гдѣ тотъ самый олытнѣйшій сѣятель который могъ бы поручиться что насажденные имъ сѣмена достигнуть желаемаго роста,—то все же многія изъ нихъ

уже успѣли принести хорошіе плоды или послужили толчкомъ и указаніемъ для послѣдующаго развитія. Съ другой стороны, если принять во вниманіе твердый, безкорыстный характеръ, трудолюбіе и многостороннее образованіе Н. Н. Муравьева, можно допустить что пробудъ и онъ девять лѣтъ намѣстникомъ, Кавказъ, быть-можетъ, былъ бы въ свою очередь и ему обязанъ не менѣе чѣмъ его предмѣстнику; но все же это предположеніе, нѣчто гадательное, а дѣла князя Михаила Семеновича фактъ. И потому партизаны генерала Муравьева, старающіеся утвердить въ потомствѣ вполнѣ заслуженную имъ славу одного изъ замѣчательныхъ военныхъ дѣятелей минувшей эпохи, едва ли не гораздо лучше бы дѣлали держась на почвѣ дѣятельности своего героя до назначенія его намѣстникомъ Кавказа, въ этотъ же періодъ ограничивались описаніемъ осады и покоренія Карса, и не прибѣгали бы къ порицаніямъ его предмѣстника, ничуть не уступающаго ему въ правѣ на историческую извѣстность. Развѣ прославленіе одного должно непремѣнно вызывать порицаніе другаго? Развѣ нельзя обойтись безъ параллелей ихъ дѣятельности,—параллелей не могущихъ, какъ мы видѣли, быть проводимыми безъ явнаго ущерба именно Н. Н. Муравьеву? Излишнее усердіе не рѣдко вредить дѣлу; это не мѣшало бы имѣть въ виду защитникамъ памяти обоихъ намѣстниковъ; а то желая, напримѣръ, похвалить доброту и любезность князя М. С., г. Берже разказываетъ что въ комнатѣ предъ кабинетомъ князя адъютанты и разная молодежь такъ громко разговаривали, смѣялись и такъ накуривали что самому М. С. приходилось полою сюртука разсѣивать облака дыма чтобъ отыскать одного изъ приближенныхъ. Если что-нибудь подобное, въ видѣ исключенія, и случилось разъ, то передавать печати подобныя мелочи, возводя ихъ въ какую-то особую заслугу—едва ли значить служить взятому на себя дѣлу. То же самое можно сказать и о тѣхъ ничѣмъ не подкрѣпляемыхъ сказаніяхъ на счетъ 16 тысячъ солдатъ возвращенныхъ съ частныхъ работъ, или 4хъ милліоновъ рублей дохода въ полтора года и т. п., которые вызываютъ сомнѣнія и вредятъ дѣлу авторовъ статей.

Въ заключеніе еще разъ возвращаюсь къ моимъ воспоминаніямъ, ровно за 10 лѣтъ ранѣе выше разказанныхъ, именно къ началу 1845 года. Въ замѣткахъ моихъ о тѣхъ давно минувшихъ временахъ я нашелъ слѣдующую страничку: — „Я

служилъ тогда на крайнемъ лѣвомъ флангѣ Лезгинской линіи и послѣ 18-тимѣсячнаго отсутствія изъ Тифлиса взялъ отлукъ и поѣхалъ туда. Я засталъ тамъ тѣмъ амбави (новости по-грузински) до которыхъ Азіяты вообще страстные охотники, по случаю назначенія графа Воронцова намѣстникомъ кавказскимъ. Дѣлались большія приготовленія къ его встрѣчѣ, всѣ какъ-то инстинктивно понимали что нужно ожидать общихъ улучшеній и важныхъ перемѣнъ. Слава графа Михаила Семеновича какъ устроителя Одессы предшествовала ему и разносилась по всему Кавказу. Въ Тифлисѣ ходило по рукамъ рукописное описаніе объѣда даннаго графу М. С. членами Англійскаго Клуба въ Петербургѣ, гдѣ между прочимъ приводилась рѣчь извѣстнаго ветерана Скобелева съ слѣдующими заключительными словами: „Еслибъ я оставшимися у меня двумя пальцами единственной руки могъ поднять пушку, то сдѣлалъ бы ею „на караулъ“ предъ графомъ „Михаиломъ Семеновичемъ, чтобъ отдать честь славному сопернику великаго Наполеона и знаменитому государственному мужу—устроителю Новороссіи““. (И. Н. Скобелевъ былъ съ своимъ Рязанскимъ полкомъ въ отрядѣ графа, выдержавшаго знаменитый бой противъ Наполеона подъ Краснымъ въ 1814 году.) На всѣхъ перекресткахъ въ городѣ только и рѣчи было что о новомъ назначеніи намѣстника и главнокомандующаго съ обширными правами, всѣ слои общества ожидали для себя всего лучшаго: Армяне и вообще кулечество — развитія торговли и благосостоянія; чиновники — новыхъ штатовъ, высшихъ окладовъ и повышеній; мѣстная аристократія — разныхъ почетовъ и подобающихъ льготъ; военные—усиленныхъ дѣйствій, славы и щедрыхъ наградъ; дамы — блистательныхъ баловъ и пріемовъ у графини Воронцовой,—однимъ словомъ, все ликовало... Какъ рѣдкое исключеніе въ семь мірѣ, въ этотъ разъ никто не ошибся, почти всѣмъ надеждамъ суждено было сбыться.. Возвратившись изъ Тифлиса къ своему начальнику князю Ч., находившемуся тогда въ своей деревнѣ въ верхней Кахетіи, я засталъ у него множество гостей изъ мѣстныхъ князей за объѣдомъ. Мой разказъ о новомъ намѣстникѣ произвелъ необыкновенный эффектъ и немедленно были осушены обильные тосты за него и будущее процвѣтаніе Грузіи. Хотя изъ присутствовавшихъ едва ли кто могъ дать себѣ отчетъ въ причинахъ восторга, но такъ уже, инстинктивно всѣ радовались...”

Сопоставивъ это со впечатлѣніемъ произведеннымъ назначеніемъ генерала Муравьева на Кавказъ, приходится еще болѣе убѣдиться что не одно, относительно строгое и скупое, кратковременное управленіе его было поводомъ общаго нерасположенія; ему уже предшествовала молва, уныніе наводившая, и этотъ гласъ народа (объясняйте какъ угодно его происхожденіе) какъ бы тяготѣлъ въ теченіи полутора лѣтъ его намѣстничества. Нѣтъ, приходится еще разъ повторить, біографамъ Н. Н., дойдя до этого періода его дѣятельности, рѣшительно не слѣдуетъ прибѣгать къ сравненіямъ съ княземъ Воронцовымъ: шансы не равны; у него довольно подвиговъ и заслугъ до намѣстничества на Кавказѣ, которое, за исключеніемъ взятія Карса, уже не много можетъ прибавить къ его славы. Между тѣмъ какъ князю Воронцову ко всѣмъ прежнимъ заслугамъ девятилѣтнее управленіе Кавказомъ придаетъ новый блескъ и вполне заслуженную славу, и уменьшить ихъ не могъ бы даже подробнѣйшій критическій разборъ его дѣйствій, хотя они, какъ всѣ дѣйствія человѣчества, не лишены ошибокъ.

А. ЗИССЕРМАНЪ.

Сентябрь 1874.
Петербургъ.